

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. КРАСОТА НЕОДУШЕВЛЕННОЙ ПЛОТИ	3
Глава 2. ИХТИАНДР С УЛЫБКОЙ СМЕРТИ	10
Глава 3. СМЕХ И РАДОСТЬ МЫ ПРИНОСИМ ЛЮДЯМ.	28
Глава 4. ТРЕТИЙ – ЛИШНИЙ, А ВТОРОЙ – ПЕРВЫЙ.	46
Глава 5. ИСТОРИЯ ОДНОГО ОГРАБЛЕНИЯ.	68
Глава 6. НИРВАНА ПОДСОЗНАНИЯ.	83
Глава 7. МАГИЯ БЛАТА	96
Глава 8. ШЛОМО ЦИПЕРОВИЧ	102
Глава 9. КЛОУНАДА НА ОБЛОМКАХ СУДЬБЫ.	120
Глава 10. СМЕРТЕЛЬНАЯ АВАНТЮРА	127
Глава 11. ВЫШЕЛ КЛОУН ИЗ ТУМАНА...	139
Глава 12. В ДЕЛО ВСТУПАЕТ ГАЙ РИЧИ	149
Глава 13. ПОЭТИЧЕСКИЙ СЮРРЕАЛИЗМ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	175
Глава 14. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ МЕДВЕДИЦЫ	190
Глава 15. ПИЛИТЕ, ШУРА, ПИЛИТЕ...	194
Глава 16. НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИСЫ АЛИСЫ И КОТА БАЗИЛИО	205
Глава 17. ОХОТА НА ПТИЦУ СЧАСТЬЯ	214
Глава 18. ФИЛОСОФИЯ ПРЕКРАСНОГО В ТЕОРИИ МЯСОРАЗДЕЛКИ	232
Глава 19. ЕЖИК, СВИНЬЯ И СОБАЧКА.	251
Глава 20. ДАМА В КРАСНОМ ЧЕПЧИКЕ	272

Глава 1.

КРАСОТА НЕОДУШЕВЛЕННОЙ ПЛОТИ

Стоял теплый летний день. Лучи солнца невидимым перышком щекотали лица прохожих. Две пары мужских ног ритмично чеканили шаг по асфальтовой дорожке, обрамленной новой бордюрной плиткой. В начищенных до блеска ботинках, словно в зеркале, отражались то блики солнца, то воодушевленные лица самих путников, то безликие очертания идущих им навстречу торопливых прохожих, отрешенными взглядами напоминающих зомби.

Мужчины подошли к унылому зданию, которое в ярких лучах солнца казалось еще темнее и мрачнее, чем было. Вокруг него толпились такие же понурые люди. Да что там! Его посетители только и делали, что, собравшись кучками, произносили заунывные речи под аккомпанемент всхлипываний и плача. Вот и сей-

час они занимались своим привычным делом, не замечая всей прелести теплого летнего дня.

Двое в сверкающих ботинках тем временем уверенно перешагнули через порог учреждения и по длинному коридору направились в сторону лифта. Один из них — тот, что был в черных очках — принялся бодро насвистывать веселую, жизнеутверждающую мелодию. Странное поведение мужчины не было каким-то протестом или вызовом обществу, скорее жестом отчаяния в попытке отгородиться от гнетущей действительности чем-то ей противоположным.

Сладкоголосые трели хоть и могли порадовать слух самого искушенного ценителя художественного свиста, но все же вступали в диссонанс с царившей повсюду мертвенной тишиной. Даже редкие встречные старались не нарушать ее: шагали тихо, практически бесшумно и старались не говорить, а если и перебрасывались парой фраз, то шепотом.

Напарник свистуна повернул голову и грозно посмотрел на нарушителя спокойствия. Тот проигнорировал сверлящий взгляд. Не добившись ни малейшей реакции, блюститель нравов резко остановился. Вслед за ним, словно послушный пес на строгом поводке, замер и его спутник.

— Перестань! Все деньги высвистишь! К тому же прояви хоть толику уважения к обитателям этого благочестивого заведения! — раздраженно приказал моралист.

— Прости. Никого не хотел обидеть. Нервы, наверное, сдают. Не каждый день бываю в таких заведениях. Здесь так мрачно... — оправдался любитель посвистеть.

— Знаешь, в жизни бывают ситуации, когда надо самому подстраиваться под обстоятельства, а не менять их под себя. Тебе не кажется, что сейчас именно тот случай?

— Признаю: попытка приподнять настроение оказалось неудачной.

— Надеюсь, я тебе его окончательно испортил?

— Да, теперь все в порядке. Видишь же, я стою с кислой миной и в полной гармонии с окружающей обстановкой, — накинув на лицо понурюю гримасу, тихо произнес остряк.

— Отлично, тогда зафиксируй эмоции — и двигаемся дальше.

Мужчины завернули за угол, дошли до конца холла и погрузились в лифт. Спустившись в подвал и пройдя еще несколько метров в полумраке узкого коридора, они очутились в просторной комнате, залитой ярким холодным светом. В ней было сыро и прохладно. Из стены

напротив входа выступали огромные стеллажи с выдвигаемыми полками. В целом помещение походило на винный погреб, однако хранились в нем вовсе не бутылки с благородными напитками.

У входа в комнату гостей встретил мужчина средних лет, небольшого роста, подвижный. На его красноватом, слегка опухшем лице выделялся огромный длинный нос. Выглядел этот нос настолько нелепо, что походил на морковку, криво прибитую к башке снеговика чьей-то неуклюжей рукой. Волосы торчали в разные стороны, словно он только что пережил мощный разряд тока или играл Эйнштейна в любительском спектакле. Правда, от «великого ученого» исходил в меру выраженный запах перегара. Да и грязный, местами окровавленный халат синего цвета с когда-то белыми нарукавниками выбивался из образа.

— Ми-и-лости прошу, — с трудом выговорил он, после чего подошел к одному из стеллажей и вытянул массивную полку, извлекая из утробы холодильной камеры труп сорокалетнего худощавого мужчины. Кожа покойного была настолько гладкой, розовой и бархатистой, что могла бы вызвать зависть у большинства живых любителей здорового образа жизни. Лицо выражало умиротворение — если не умиление. Веро-

ятно, душа усопшего радовалась тому месту, где пребывала в данный момент. Румяный мертвец всем своим видом излучал волны позитивной энергии. Казалось, еще чуть-чуть, и он радостно вскочит с полки анатомического музея, протянет присутствующим свою мускулистую — пусть и несколько усохшую — руку и, почтительно поклонившись, поздоровается.

Парни в ботинках, словно сговорившись, опустили головы и принялись любоваться произведением танатокосметологического искусства, созданным руками гениального, правда, малость охмелевшего мастера.

— О да, он воистину превосходит! — воскликнул мужчина в солнцезащитных очках, первым нарушив молчание.

— Ты прав, — выдержав небольшую паузу, согласился второй. — Как говорил наш общий знакомый: прекрасна неодушевленная плоть.

— Помню, помню этого знакомого — настоящий псих! Но, черт возьми, что-то в его философии есть! — подхватил первый.

— Скажу тебе больше: все философы немного чокнутые.

— Док, а он точно мертвый? — поинтересовался тот, который был в очках.

— Теперь уж точно мертвый, — пошутил патологоанатом, после чего в доказательство сво-

их слов приподнял покрывало и, разорвав швы, раздвинул края огромного разреза на груди и животе трупа, демонстрируя полное и безвозвратное отсутствие внутренних органов.

— Только посмотрите, какой он у нас внутри чистенький, свеженький, обработанный. Да, мой хороший?

— Господи, прошу вас, не продолжайте! — взмолился моралист, прикрывая сначала глаза, чтобы не видеть, как потрошитель с наслаждением шарит рукой в брюхе покойного, словно проверяет на свежесть молочного поросенка. Едва произнеся эти слова, пижон зажал себе и рот, дабы не вывалить на пол недавний завтрак.

— Немного грима — и никакого волшебства, — поспешил успокоить опешивших гостей кудесник в синем халате, вынимая руку из утробных глубин покойного и приправляя свое утверждение икотой, вероятно для пущей убедительности.

Мужчина в очках наконец снял их, бережно накрыл труп пледом и, трепетно склонившись к его уху, произнес:

— Прощай, Добряк. Ты прожил короткую, но весьма насыщенную жизнь. Были в ней горести, потери, разочарования, но все они меркнут на фоне тех эмоций, которые ты получал, при-

нося людям радость. Спи спокойно, человек-праздник. Надеюсь, ты не сильно обидишься, если я завтра не буду присутствовать на твоих похоронах. Прости, но так надо.

Не дождавшись ответа и расценив молчание собеседника как согласие, скорбящий снял с себя увесистую золотую цепочку и надел на шею трупа. Завершив обряд дароприношения, он подошел к патологоанатому и деловито командовал: «Что ж, док, приступим»..

Пьяный мастер одобрительно тряхнул шевелюрой, надел на руки латексные перчатки и потянулся к подносу с инструментами.

Глава 2.

ИХТИАНДР С УЛЫБКОЙ СМЕРТИ

Между тем еще три дня назад покойный хоть и не выглядел таким беззаботным, цветущим и привлекательным, как сейчас, лежа на помосте холодильной камеры судебного морга, однако, по крайней мере, мог ходить, говорить, петь и плясать. Другими словами, он был жив. Иные здравствующие сочтут это преимущество сомнительным, расскажут о красоте неодушевленной плоти, бессмысленности жизни и неизбежности смерти. Однако, как ни философствуй, но даже стоящая на самом низком уровне эволюции божья тварь предпочтет жалкое земное существование любой, пусть и самой прекрасной мертвой форме. Не верите? Спросите у беззаботно порхающей на лугу бабочки, что она выберет — прожить до конца жизнь длиною в жалкие сутки или увековечить красоту

своего брэнного тельца в коллекции лепидоптеролога.

Так устроен мир — влечение к выживанию изначально заложено в разумных существах. Недаром назойливая муха, пристукнутая мухобойкой, отчаянно борется за свою жизнь, пытаясь уйти от недоброжелателя. Осознает ли она, нервно дергаясь в предсмертных конвульсиях, что биться-то ей, в сущности, не за что? Ее и так непродолжительное по времени бытие лишено всякого смысла. К чему она может стремиться? Чего способна достичь? Какой след после себя оставить? Стоит ли ее существование того, чтобы настолько рьяно за него цепляться?

Возможно, впрочем, что примитивная божья тварь не задается, да и не способна задаваться подобными экзистенциальными вопросами. Ее мышление изначально лишено дара «высоких» рассуждений. Муха действует, следуя банальному природному инстинкту. Однако может ли человек позволить себе поступать так же? Или он, как творение в высшей мере разумное, наделенное даром «зреть в корень», постигать глубины смысла, обязан использовать этот дар и, подобно герою Федора Михайловича, задаваться вопросом «тварь ли я дрожащая или право имею?».